

Научная статья
УДК 81'42
doi: 10.17223/15617793/513/5

Поэтическая репрезентация образа Сибири в творчестве Н.В. Хоничева: перцептивный аспект

Марина Васильевна Трунова¹, Лариса Борисовна Крюкова²

^{1, 2} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ Trunova87@yandex.ru

² lar-kryukova@yandex.ru

Аннотация. Образ Сибири в поэтических произведениях Н.В. Хоничева рассмотрен в контексте идиостилевого направления современной перцептивной лингвистики и определен как художественный перцептивный «макрообраз». Особое место в анализируемых стихотворениях занимают природные растительные «микрообразы» (тайга, лес, сосна, кедр, рябина, береза и тополь и др.), они позволяют актуализировать региональный компонент в авторской поэтической картине мира. В процессе художественной репрезентации доминируют языковые единицы с семантикой зрительного восприятия, большая часть изобразительно-выразительных средств (метафоры, сравнения, олицетворения) моделируются на основе синестезии. Перцептивными доминантами являются солнечный свет, музыка, аромат, зелень.

Ключевые слова: Сибирь, сибирский текст, восприятие, художественный перцептивный образ, перцептивные единицы

Для цитирования: Трунова М.В., Крюкова Л.Б. Поэтическая репрезентация образа Сибири в творчестве Н.В. Хоничева: перцептивный аспект // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 513. С. 44–53. doi: 10.17223/15617793/513/5

Original article
doi: 10.17223/15617793/513/5

Poetic representation of the image of Siberia in Nikolai Khonichev' poetry: A perceptual aspect

Marina V. Trunova¹, Larisa B. Kryukova²

^{1, 2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ Trunova87@yandex.ru

² lar-kryukova@yandex.ru

Abstract. The relevance of the research is determined by the attention to the emotional and perceptual component in the process of formation of the Siberian regional identity and the active research of "Siberian texts" in the context of the cultural heritage of Russia. The aim of the article is to analyze the poetic representation of the image of Siberia in the poetry of the Tomsk writer Nikolai Khonichev. The material is 195 poems from collections of different years. The main research methods are structural and semantic analysis of language units of different text levels and linguostylistic analysis of the text. The structure of the article is determined by one of the main tasks – identifying the role of the perceptual component in the process of forming the image of Siberia in Khonichev's poetry. A certain duality is characteristic of the "Siberian texts", reflecting the "interaction" of the national and regional components in the formation of the individual author's image of the world. In modern regional literature, a predominantly positive perception of the space of Siberia is constructed; a bright emotional attachment of the authors to their small homeland, love for Siberian nature, a pride and respect for the history of the region and cultural traditions are traced. The research showed that the image of Siberia can be defined as a "macro-image" that includes a wide range of "micro-images" formed on the basis of different types of perception (visual, auditory, tactile, etc.). The texts emphasize the beauty of Siberian nature (*the aroma of green meadows, the music of the forest, the crying of birches, the trembling of needles, the bells of rowan trees, the pearls of poplars*, etc.). The perception of the natural and cultural aspects of the image of Siberia are presented in their inseparable unity (*poetry is scattered in the forest, a forest museum*, etc.). Siberia is described as a place with its own unique nature, original culture and values. As a result of the analysis of N.V. Khonichev's poetic texts, it was revealed that plant images (*taiga, forest, pine, cedar, rowan, birch and poplar*, etc.) occupy an important place in the description of Siberia as a natural phenomenon; their linguistic representation is related to all-Russian cultural traditions. The perceptual component of the meaning is constantly updated: linguistic units with the semantics of visual perception dominate at the lexical and syntactic levels of the text. A significant part of the pictorial and expressive means (metaphors, comparisons, personifications) are modeled on the basis of synesthesia (*multicolored smell, aromas call*, etc.). Sunlight, music, aroma, greenery in the analyzed poems are perceptual dominants that determine the author's perception of Siberia.

Keywords: Siberia, Siberian text, perception, perceptual image, regional poetry

For citation: Trunova, M.V. & Kryukova, L.B. (2025) Poetic representation of the image of Siberia in Nikolai Khonichev's poetry: A perceptual aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 513. pp. 44–53. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/513/5

Введение

Сибирь как географический и культурный феномен регулярно попадает в фокус внимания современных гуманитарных исследований. Одной из центральных научных проблем становится своеобразие словесной культуры Сибири и ее взаимосвязей с общероссийским и европейским контекстом [1. С. 6]. В коллективной монографии «Пространство и тексты: модель исследования социокультурного ландшафта Сибири» представлена методика междисциплинарного исследования (археология, фольклористика, история, лингвистика и др.), ориентированная на изучение сибирского ландшафта в аспекте сохранения культурного наследия региона [2]. Среди основных «локусов памяти» анализируются: история Сибири как часть истории России, Сибирь купеческая, Сибирь как кладовая природных богатств и ее индустриальная история, Сибирь как территория приложения идей просвещения и др. [2. С. 173–195]. В современных лингвистических работах реализуется модель описания Сибири как многомерного пространства, включающего параметры локальности, региональности, темпоральности [2. С. 68]. Образ Сибири анализируется в контексте различных типов дискурса: научного, документального, публицистического, диалектного, эпистолярного, автобиографического и др. [3], при этом постоянно подчеркивается особая роль художественных произведений: «Художественный дискурс, помимо прочего, являлся той конструирующей технологией, которая способствовала значительной трансформации в общественном сознании компонентов образа Сибири и сибиряков, вплоть до их общей позитивной или негативной окраски» [4. С. 21]. В процессе «конструирования гносеологического образа Сибири» важную роль играют различные изобразительно-выразительные средства, формирующие эмоциональную составляющую образа.

Целью предлагаемой статьи является анализ поэтической репрезентации образа Сибири в творчестве томского поэта и писателя Н.В. Хоничева в перцептивном аспекте. Рассмотрено 195 стихотворений, опубликованных в поэтических сборниках автора: «Созвездие сирени» – 58 [5]; «Буквица» – 55 [6]; «Любоснежник» – 48 [7]; «Книга папоротника» – 34 [8]. Анализируемые тексты могут быть определены как региональные [9. С. 103], они «привязаны» к городу Томску и Сибирскому региону. Основной метод исследования – лингвистическое моделирование. *Сибирь* рассматривается как художественный перцептивный образ – элемент индивидуально-авторской поэтической картины мира и разновидность словесного художественного образа, основой которого является сенсорная составляющая (подробнее см.: [10–12 и др.]). Репрезентантами художественного перцептивного образа являются перцеп-

тивные единицы, маркирующие пропозицию восприятия в процессе текстообразования, основанием для их классификации становится модус перцепции: зрение, слух, осязание, обоняние, вкус [12. С. 47–48]). Использование элементов лингвосмыслового и лингвостилистического анализа текста позволяет актуализировать роль перцептивного компонента в процессе формирования образа Сибири в поэтических текстах автора.

Актуальность предпринятого исследования обусловлена активным изучением *сибирских текстов* в контексте культурного наследия России [1, 2, 13–15 и др.], а также вниманием к эмоциональному и перцептивному компонентам в процессе формирования сибирской региональной идентичности [2–4, 14, 16, 17 и др.]. Эмоциональная связь с определенной территорией может иметь двойственную природу: ее осуществление возможно либо в форме присвоения пространства, либо в форме идентификации с этим пространством. «Различный характер эмоциональной привязанности к региону свидетельствует о том, что это не единичный перцептивный акт, а когнитивная конструкция, отражающая различные типы опыта» [4. С. 18]. Анализ художественного перцептивного образа Сибири в творчестве Н.В. Хоничева свидетельствует об актуализации регионального компонента в процессе разработки идиостилевого направления современной перцептивной лингвистики.

Своеобразие *сибирского текста* проявляется во взаимодействии регионального и общероссийского материала, его постижения в контексте времени: «Литература сибирская есть участок общерусской литературы, отображающий на краевом (местном, областном) материале ее общий путь развития» [13. Стб. 163]. «В литературе Сибири были свои мотивы, сюжеты, темы, но их эстетическое осмысление и поэтическое выражение тесно и неразрывно связано с общерусским историко-литературным процессом. Именно это взаимодействие местного (сибирского) и общерусского – ключ к пониманию своеобразия и проблематики, и поэтики литературы Сибири, дихотомии сибирского текста русской культуры» [14. С. 227].

Сибирь как художественный перцептивный образ в контексте филологических исследований

В коллективной монографии «Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве» К.В. Анисимов пишет о двух подходах к изучению локального *сибирского текста* русской литературы (подробно см.: [15. С. 5]). «Литературное “изобретение” <...>, конструирование сибирского ландшафта в русской культуре представляло собой сложный процесс постоянного колебания базовой оценки наблюдателя, словно раздваивающегося между задачей дальнейшего отчуж-

дения Сибири и противоположной установкой, которая заключалась в символическом освоении/присвоении, включении Сибири в контур национальной жизни. Так или иначе обе установки подразумевали наделение Зауралья определенными ролями в рамках функционального поля культуры, соединение Сибири с тем или иным заданием, которое она как социально-географическая и мифологическая реальность может выполнять по отношению к человеку» [15. С. 7].

Художественная картина мира, запечатленная в региональном тексте, «отражает менталитет этнокультурных групп, она оказывается связанной, с одной стороны, с индивидуально-авторским, субъективно-личностным образом мира, а с другой – с общенациональной картиной мира, и ее воссоздание является одной из наиболее важных задач при исследовании феномена каждого регионального свертка» [18].

Размышляя о методологических проблемах изучения *сибирского текста* русской лирики, Н.А. Рогачева подчеркивает значимость перцептивного аспекта художественного образа Сибири: «В поэзии XVIII века доминирует зрительное восприятие сибирского локуса и визуальная образность, к концу XIX в. они уступают место другим типам сенсорных пространств – акустическому, ольфакторному, тактильному. Это изменение параметров перцепции отражает глубинные сдвиги, произошедшие как в восприятии Сибири, так и в художественной картине мира всей русской поэзии» [19. С. 245].

В.И. Тюпа в исследованиях о *сибирском тексте* отмечает: «Хронотопический образ Сибири в русской классической литературе представляет ее страной холода – зимы – ночи (луны), то есть смерти в мифологическом ее понимании. И хотя за Уралом три летних месяца по преимуществу стоит жара, в литературных пейзажах Сибири лето и солнце, как правило, игнорируются. Одновременно Сибирь – страна безлюдного и беспредельного (символ космической вечности) пространства» [20. С. 27–35]. Тема сибирского холода открывает цикл очерков А.П. Чехова «Из Сибири»: «– Отчего у вас в Сибири так холодно? – Богу так угодно! – отвечает возница. Да, уже май, в России зеленеют леса и заливаются соловьи, на юге давно уже цветут акация и сирень, а здесь, по дороге от Тюмени до Томска, земля бурая, леса голые, на озерах матовый лед, на берегах и в оврагах лежит еще снег...» [21].

Эволюция концепта Сибирь в русской языковой картине мира на материале художественных текстов рассматривается в диссертационном исследовании А.М. Литовкиной. Среди когнитивных признаков выделяются следующие: *территория России, население, холодный климатический пояс, Байкал и тайга*. Особое внимание автор уделяет образному содержанию лингвокультурного концепта и отмечает, что перцептивный образ, отражающий чувственные представления людей о Сибири, моделируется с помощью метафорических переносов из разных сфер-источников: *глубинная Сибирь, снега, пролила свои реки (вещество), набатный колокол, кладовая (предмет), прирастили Сибирь к России, Сибирь цветет (растение), Сибирь смотрит, дышит, думает, вздыхает* [22. С. 17].

В современной региональной художественной литературе конструируется преимущественно позитивное восприятие пространства Сибири. В поэтическом творчестве сибирских авторов прослеживается яркая эмоциональная привязанность к своей малой Родине, любовь к сибирской природе, чувство гордости за историю региона, уважение к культурным традициям.

Поэтическая репрезентация перцептивного образа Сибири в творчестве Н.В. Хоничева

Образ Сибири является центральным в стихотворениях Н.В. Хоничева, поэтическое творчество которого пронизано любовью к сибирской природе и городу Томску. Поэтические тексты публиковались в журналах и альманахах «Сибирская старина», «Сибирские Афины», «День и ночь», «Огни Кузбасса», «Лесная новь», «Студенческий меридиан» и многочисленных коллективных сборниках, с 1 марта 2000 г. Н.В. Хоничев – член Союза писателей России [6. С. 3]. Как уже было отмечено, материалом для анализа стали 195 стихотворений писателя, вошедшие в поэтические сборники разных лет и посвященные истории, культуре и природным богатствам Сибирского региона: *Люблю. И радужным букетом / Сибирская согреет Русь. / Как имель стремится к первоцветам, / К наукоснежникам стремлюсь («Первоцветы»); Затем, что люди – не мишени в тире. / Затем, чтоб красотой повелевать. / Поэзия смещается к Сибири / Озоновую дырку залатать («Поэзия смещается к Сибири»).*

В произведениях Н.В. Хоничева, как и в текстах большинства сибирских авторов, образ Сибири представлен как сложный и многогранный [1, 2, 13–15 и др.]. В результате лингвосмыслового анализа было определено, что в поэтических произведениях автора Сибирь моделируется как (1) центр науки и образования: *Моя Сибирь – великая проталина, / Когда Россию сковывает лед; Сибирью по-потанински произнесенное, / Протаит сердце у сибиряка («Потанину»);* (2) как родина, связь с которой сохраняется на всю жизнь: *Я и сам бы уплыл. Приживусь на любом континенте / Но куда мне деваться от жемчуга тополей? / Ибо сердце пожизненно ранено Томском, поверьте, / Где стихи мои любят десятки и сотни людей («Тополиная мелодия»);* (3) как культурный и природный феномен: *И суровой Сибири скудную красу я спокойно пожизненно в сердце несу («Чажемто»).* Анализ выявленных перцептивных единиц (и в плане выражения, и в плане содержания) показал, что наиболее иллюстративными в аспекте авторского мировосприятия являются контексты, включающие описание сибирской природы.

Природные «микрообразы», формирующие «макрообраз» Сибири, могут быть классифицированы по типу перцептивной доминанты (подробно о понятии «перцептивная доминанта» см.: [23. С. 380]):

– визуальные (*солнце, ночь, туман* и др.): *Но я был искренним во всем. / Так пусть благоухает / Ошибок палая хвоя под солнечным лучом («Сибирский бархатный сезон»); Между небом и землей грустит простор. / Он колышется у солнечных дверей*

(«Меж малиной и смородиной – костер»); Густыми звездочками затканы / **Ночные чудо-небеса** («Густыми звездочками затканы»); Звезд веснушки. Рассвет народится нескоро. / **Просто зимняя ночь** ловит именно здесь («Постоять, помолчать, погрузиться у костела»);

– аудиальные (музыка, пение, звуки природы и др.): Ноты огоньков, **паузы** травы / **И аккорды** земляники сладкой. / **По ладам** берез, **под напев** листвы / Очарует нас лесная **музыка** украдкой («Лесная музыка»); Сибирский бархатный сезон / **Мелодии** грибные. / Грибы – и те растут семей по мховому коврику («Сибирский бархатный сезон»); **Стрекотанье** вселенной моей... / **Разнозвучье** деревьев и крыши («Напишу стихи ни о чем...»); **Ноты** расцветают в степи. / **Букетик** нот собираю я («Ноты расцветают в степи...»);

И станешь преемником дивных **мелодий** / Из птичьих улыбок и марева трав («Под ливнем язвительным, снегом внезапным...»);

– тактильные (холод, тепло, сырость и др.): Черный снег и сумрачная вьюга, / **Зябкие холодные** поля («Просьба»); **Зябко** от **морозного тумана**. / Сколько жить с немилым колючим («Октябрь 1744 г.»); Споры грибов оборачиваются спорами ради истины. / Наберу корзину. Постояю под сосной в **холодке** («В Тимирязевском бору»); **Дрожит от мороза** природа («В бывший город Щегловск»); Обратно легче мне идти. / **Сильнее солнце греет** («Зимнее обследование»); Буду в архиве выписывать тщательно, медленно / **Ветер и влагу, и воздух** в большую тетрадь (Гидрометеобюро);

– ольфакторные (запах, аромат, благоуханье и др.): Август краски терял, но плодами дарил полновесно. / От полей и лесов **аромат травяной и густой** («Львиная дева»); Еще в **благоуханных травах** парят дуга. / Еще я босиком гуляю по облакам («Молодильные яблоки»); **Наплывают, зовут ароматы...** / В разноцветных флаконах весна («Наплывают, зовут ароматы...»).

Среди языковых единиц, моделирующих различные природные микрообразы, было выявлено значительное количество синестических сочетаний, которые также традиционно классифицируются по модусу перцепции:

– обоняние – зрение: Под ливнем язвительным, снегом внезапным, / Застыгнувший часто врасплох, на авось, / **Вдохнешь многоцветный как радуга запах**, / И он остановит обиду и злость («Под ливнем язвительным, снегом внезапным...»); Горит созвездие сирени! / Когда почти что **зримый аромат!** («Созвездие сирени»);

– осязание – зрение: Бескрайнее сиреневое небо. / Река Икса в **сиреновом тепле**. / Спокойная **сиреневая нега**. / Целебен мир в сиреновой красе («Созвездие сирени»); И **морозный рассвет** не созреет пока, / Очень мелко ромкою – строчку («В бывший город Щегловск...»);

– звучание – зрение: Ранимая **сиреневая песня...** / Когда любимая ушла дразня... («Созвездие сирени»); Места вокруг чудесны. Синий пруд. / Деревья **песнь зеленую** поют («Андарма»); **Синий шепот** неба да над колпашевской землей, / От которой ты рвалась до смерти («До свиданья, Зойка!»).

Таким образом, в качестве промежуточного вывода можно отметить, что моделирование природных «микрообразов» происходит на основании различных чувственных ощущений. Синестезия как основа поэтического мировоззрения [24] в поэзии Н.В. Хоничева характеризуется тем, что явления, традиционно определяемые как звуковые, одоративные или осязательные наделяются визуальными признаками.

Среди природных «микрообразов», формирующих художественный перцептивный образ Сибири в анализируемых стихотворениях, важное место занимают образы растительного мира, именно они позволяют актуализировать и региональный, и перцептивный аспекты в процессе анализа авторского идиостиля.

Исследователи отмечают, что изучение «растительной символики в традиционной культуре и литературе нового времени, несмотря на существенный сдвиг, произошедший в последние годы <...>, продолжает быть востребованным, особенно с точки зрения локального и регионального своеобразия. Обязательный элемент сибирской топики – тайга» [25. С. 235]. Анализ современных «сибирских текстов» показывает, что для сибиряка доступна красота тайги, природа воспринимается им как храм, природный ландшафт традиционно приобретает черты сакрального; «живущий на этой земле человек, способен оценить все богатства, которые открывает для него природа, и ощутить себя здесь свободным и счастливым» [26. С. 198].

В контексте перцептивных исследований растительные «микрообразы» (лес, кедр, сосна, береза и др.) определяются как полимодальные (моделирование осуществляется с опорой на зрительные, слуховые и одоративные признаки, в ряде случаев «привлекаются» осязательные и вкусовые [27]). «Микрообразы» вербализованы в поэтическом творчестве Н.В. Хоничева языковыми единицами разных уровней (лексическими, синтаксическими, стилистическими): *А это нам врачует душу лес: / Спокойный, мудрый, гармоничный, щедрый* («Восходят сосны, кедровые до небес»); *В лесу рассыпана поэзия / В зеленых строчках диких трав* («В лесу рассыпана поэзия...»); *Томский лес. Кедровики на холмах. / И озера, как синие бусы* («Томский лес»); *И какие только встречи / Этот город не таит... / А в короне Междуречья – / Сосен золото блестит!* («Город Томск – Сибирский Кембридж»).

Описание художественного перцептивного образа может быть представлено в формате словарной статьи (подробно см.: [12. С. 50]), которая включает заголовочное слово (1), зону способов языковой репрезентации с указанием количества словоупотреблений (2), зону контекстов (3), в которой демонстрируются случаи употребления, зону образных средств (4) и комментариев (5). Данная модель является продуктивной, так как позволяет рассмотреть *перцептивные единицы* лексического, синтаксического и стилистического уровней художественного произведения в их системном взаимодействии.

Не претендуя на полное словарное описание, структурируем материал в соответствии с предложенной схемой (1, 2, 3, 4, 5). Необходимо отметить, что классификации, представленные в зонах 3 и 4, отражают

результаты предварительного лингвостилистического анализа стихотворений.

Рассмотрена семантическая структура высказываний с перцептивной семантикой (пропозиция восприятия [17]), выявлены изобразительно-выразительные средства, формирующие соответствующий «микрообраз» (о стилистических фигурах в контексте перцептивной лингвистики см.: [28]). Краткие комментарии, представленные в зоне 5, носят обобщенный характер и содержат ссылки на исследования анализируемых микрообразов в различных «сибирских текстах», при этом актуализируются перцептивные характеристики, которые в той или иной мере проявляются в примерах, приведенных в зонах 3 и 4.

Выбор полимодальных растительных «микрообразов» – *тайга, сосна, рябина, береза, тополь, кедр* – обусловлен, с одной стороны, частотой их использования в анализируемых поэтических текстах (количество словоупотреблений указано в зоне 1), с другой – положением о том, что *сибирский лес*, являясь знаковым природным и лингвокультурным феноменом [29], традиционно рассматривается как символ региона [16]: *тайга* – это не только ресурс, но и маркер сибирской идентичности, экзотическое «искаженное» пространство, «ключ к пониманию национальной традиции и памяти» [2. С. 64].

(1) *Тайга* – «Полоса диких труднопроходимых хвойных лесов на севере Европы, Азии и Америки» [30. Т. 4. С. 331].

(2) В проанализированных стихотворениях на лексическом уровне выявлено 26 словоупотреблений: существительное *тайга* (14), прилагательное *таежный* (12).

(3) На синтаксическом уровне представлены предикативные единицы, в которых:

– *тайга* является субъектом существования, действия или носителем состояния: *Когда тайга отчаянно горит / И злое пламя долго не стихает («Когда тайга отчаянно горит...»); Походил по тропинкам затерянным, / Где тайга и медвежий покой. / Взвился соболю по кедрово уверенно, / Филин вдумчиво крутит башкой («По бревну через речку таёжную...»);*

– *тайга* представлена как локатив: *На тревожной зеленой и трепетной ноте / Вновь рассвет в комариной тайге застает («Мы спасаем тайгу и за ярусом ярус...»); Как рванет вездеход по колдобинам / Километров на сорок в тайгу («Командировка»); Знать, не зря остервенело / Повторял, как какаду, / Что настроиться сумею / И в тайге не пропаду («Смотрит кедр зеленоокий...»);*

– *таежный* выполняет функцию квалификатора: *По бревну через речку таёжную, / Да по кочкам. Да сквозь краснотал («По бревну через речку таёжную...»); Эта лодка пуста, и не нужно ей глупой борьбы. / Плыть да плыть по таёжному околду («Заломы»); Устал. До молящего вздоха / От красок таежных лесных («Устал. До молящего вздоха...»).*

(4) На стилистическом уровне выделяются метафоры: *А на лесных колдобинах растет себе кладония – Веселое сокровище таёжной кладовой («Кладония»)*, часть из которых имеет синестетическую

природу (например, слуховое – тактильное – зрительное основания): *Только дипольные пальцы звук нащупали в тайге («Смотрит кедр зеленоокий...»).*

(5) *Тайга* как пространственный образ в сибирских текстах выполняет миромоделирующую функцию. *Тайга* «это не пейзаж и даже не ландшафтный образ (вид места), а мирообраз, создающий картину мира» [31. С. 146]. *Тайга* характеризуется опасными и суровыми условиями, в которых без специальной подготовки невозможно выжить [16. С. 68], при этом она постоянно привлекает людей своей «неизведанностью» и «неисхоженностью»; *тайга* – это место единения человека с первозданной природой» [32. С. 119].

(1) *Сосна* – «Вечнозеленое хвойное дерево с небольшими шишками» [30. Т. 4. С. 206].

(2) 18 словоупотреблений: существительные *сосна* (13), *сосняк* (2), *соснячок* (1), прилагательное *сосновый* (2).

(3) Предикативные единицы, в которых:

– *сосна, сосняк, соснячок* – субъект существования: *И созвездья... на мудрых песках / Чудо-сосен стволов светло-русых («Томский лес»); Открытый в сентябрьскую осень, / В несмелый еще листопад, / Музей в окружении сосен / Гостям-посетителям рад («Музей леса в Тимирязеве»); Сосняк... Сугробы... Вьюжным днем / Лыжня едва торится («Зимнее обследование»); Потихонечку журчит чистая водица. / А напротив – соснячок вырос на холме («Дачное»);*

– *сосна, сосняк* – локатив: *Сесть под сосну на пригорок. / Влагою бор напоён. / Слово жемчужина, горю / В мантии леса рожден («Таранга»); Ах, грибные веснушки в Тимирязевском сосняке. / Споры грибов оборачиваются спорами ради истины («В Тимирязевском бору»);*

– *сосна* – объект восприятия: *В лесу к сосне прижмусь спиной / Потом глаза закрою («Сибирский бархатный сезон»); Сосна, посылая привет облакам, / Покажет смолы слезу («Сибирский Чардаш»); Лубоед сосну грызет. / Я листаю книги... («Лирихвост»);*

– *сосновый* – квалификатор: *Слова осыпались с бессонной строки. / В сосновом лесу расцвели кандыки («Когда я в больнице с инсультом лежал»).*

(4) Среди изобразительно-выразительных средств преобладают метафоры, относящиеся к различным модусам перцепции (доминирует зрительное основание): *Сорок сороков сосновых зеленых куполов <...> / Ищу зеленый мох – верную грибную примету («В Тимирязевском бору»); Как прозрачна вода на озере Чертаны! / И дно цвета стволов сосен, растущих вокруг («Озеро Чертаны»); Огранкою памяти создан / Музей, что мерцает сквозь тьму / Червонное золото сосен / Оправою служит ему («Музей леса в Тимирязеве»).* Основание для сравнений также может быть определено как перцептивное (например, зрительное): *Вот сосна стоит. Она как лира. / Женщина глядит. И закадрила («Цветочная кадиль»).*

(5) *Сосна* являлась наиболее характерным для Русского Севера видом священного дерева; в русской фольклорной традиции известно большое количество преданий о его чудотворных и целебных свойствах. С *сосной* связан широкий круг поверий и уста-

новлений, ее ветки использовались в качестве оберега [33. С. 379–387]. В региональной поэзии образ этого дерева задает вертикальную ось координат, определяя устремленность лирического героя к духовному и вечному [34. С. 199]. *Сосняк* (сосновый лес) в сибирском дискурсе представлен как разновидность хвойного леса (ср.: кедрач, пихтач, ельник) [16. С. 64]. К основным перцептивным характеристикам *сосны* относятся *зеленый* цвет (визуальная), *пахучий* (одоративная), *смолистый* и *колокий* (осязательные).

(1) *Рябина* – «1. Дерево сем. розоцветных, с оранжево-красными ягодами, собранными в пучок. 2. Ягоды этого дерева» [30. Т. 3. С. 748].

(2) 14 словоупотреблений: существительное *рябина* (12), прилагательное *рябиновый* (2).

(3) Предикативные единицы, в которых:

– *рябина* – субъект действия, носитель состояния: *Держинка моя – поцелуй на закате... / Созвездья рябина зажегла* («Держинка»); *Березы дышали в затылок / Рябина густела в руках* («Лабрант»);

– *рябина* – объект восприятия: *Мы бродили по холмам. Балагурили... / Рябь рябины золотая весьма* («Курорту Белокуриха»);

– *рябина* – объект воздействия: *Зима рябину в иней нарядила, / А солнце – золотит со всех сторон* («Зима рябину в иней нарядила»); *В страстной роце рябину срываю, / Постепенно осознавал – / Мир – вначале огромный без края – / Присмотреться – опять-таки мал* («Первоцвет»);

– *рябина* – локатив: *Снова солнечные ягодки / На рябине у крыльца* («Снова солнечные ягодки...»);

– *рябиновый* – квалификатор: *Будем снова нежны и серьезны – / Очень хрупок рябиновый куст* («Отношенья горчат, как рябина...»); *И здоровье шло рябиновым мостиком, / От родоносовой воды... от всего...* («Курорту Белокуриха»).

(4) Образ *рябины* представлен метафорами и эпитетами, имеющими перцептивное основание (доминирует зрительное): *Танцуй же, моя рябина, / Под рябь сумасшедших нот* («Среди достояний Томска...»); *Частушечные лидеры. Частят – а проку нет. / Рябиною кудрявою в стране кровавый след* («Частушка»). На фоне других растительных образов стоит обратить внимание на звуковые, а также вкусовые метафоры и сравнения: *У снежных колокольчиков рябины – / Замерзших ягод тонкий перезвон* («Зима рябину в иней нарядила»); *Рябина шептала: / Бери... на... / В Ботсад уйди от забот* («Лабрант»); *Отношенья горчат, как рябина. / Мы поссорились. И не звоним* («Отношенья горчат, как рябина»).

(5) В славянском культурном контексте *рябина* традиционно является оберегом, отмечается, что апотропеическая функция мотивируется *красным* цветом ягод. Песенный образ *кудрявой, кучерявой, тонкой* рябины часто ассоциируется с молодостью, красотой, женским началом [35. С. 238–252]. В региональной поэзии яркие цвета листвы *рябины* и *калины* связаны с ощущением последних теплых дней, дарованных осенью, с чувством умиротворения, растворения в природе [34. С. 201].

(1) *Береза* – «Лиственное дерево с белой корой» [30. Т. 1. С. 80].

(2) 13 словоупотреблений: существительные *береза* (6), *березка* (4), *березняк* (1), и прилагательное *березовый* (2).

(3) Предикативные единицы, в которых:

– *берёза, берёзка* – субъект звучания: *И скрепит осина страстная / И звенит берёза белая* («Октябрь 1744 года»); *По ладам берёз, под напев листвы / Очарует нас лесная музыка украдкой* («Лесная музыка»);

– *берёза, берёзка* – объект воздействия: *В морозных красках декабря / Берёзки обгорели* («Обследование палов»);

– *берёза* – локатив: *У ссыльных на поляне был колхоз, / Среди пихт и белосаванных берез* («Андарма»);

– *берёзка* – объект восприятия: *И тихой берёзке – попавшей, полезной, / За помощь твоя благодарна рука* («Под ливнем язвительным, снегом внезапным...»);

– *берёзовый* – квалификатор: *По тропинке в тихих росах, / Шло березовое Слово* («Первоцвет»).

(4) Среди изобразительно-выразительных средств в поэзии Н.В. Хоничева, как и в русской литературной традиции в целом, используются олицетворения и сравнения: *Старые березы беззвучно плачут о тебе / То прозрачным соком, то листвою* («До свиданья, Зойка! Ты так давно судьбу звала...»); *Знаю – русская песня поможет средь молвы. / А березы пронзают до дрожи без листвы* («Чтобы в сердце раствориться могла тоска...»); *Буквы-листья и ветви-слова / И березы похожи на книги* («Томский лес»).

(5) *Береза* является «традиционным национальным символом сохраненной связи с родиной и детством», перцептивные зрительные характеристики образа березы проявляются в ее поэтическом описании: «облик березы, ее хрупкий белый ствол, крона позволяют метафорически уподобить ее молодой женщине» [36. С. 114].

Образ *берёзы* в русской лингвокультуре традиционно связывали *со светом*, что обусловлено *цветом* коры дерева, в региональной поэзии данный образ связан в большей степени с душевными переживаниями лирического героя, что соотносимо с их традиционным звучанием в русском фольклоре и литературе [34. С. 201].

(1) *Тополь* – «Дерево сем. ивовых, с высоким прямым стволом, с глянцевитыми листьями различной формы и с цветками, свисающими в виде сережек» [23. С. 383].

(2) 19 словоупотреблений: существительные *тополь* (7), *тополиха* (1), прилагательные *тополинный* (10), *тополевой* (1).

(3) Предикативные единицы, в которых:

– *тополь* – субъект действия, носитель состояния: *А ключик тот – его талант / В душе, звенящей тонко. / И зеленеют тополя, / Старая потихоньку* («Б.Н. Климычеву»); *Тополей созрели тени. / Бродят нищие собаки / У заборов и дверей* («Фея томского эфира»);

– *тополь* – локатив: *В ветвях тополей затаялось застенчиво эхо / И сентябрьски под ноги легло / все-прощеньем листвы* («Тополиная мелодия»); *На тополях – соцветья снежных лилий... / И словно мама с бабушкой вдали. (Вокзал Томск 2 недавно стал кирпичным...»);*

– **тополиный, тополевой** – квалификатор: *Тополевая моль озверела. / Злое солнце. Посохла листва («Тополевая моль озверела...»); Шкурка почки тополиной / В кабинет летит, шаля («В тополином кабаке»).*

(4) Среди образных средств преобладают метафоры и эпитеты, ориентированные на передачу внутреннего душевного состояния лирического героя, его переживаний и эмоций: *Но куда мне деваться от жемчуга тополей? <...> / Тополиное счастье – щекоцущим пухом на лица <...> / Тополиное горе – в кружащихся ветреных листьях («Тополиная мелодия»); И помянут, словно страны, / На закате, на заре, / Тополиные канканы / В тополином кабаке («В тополином кабаке»).* Встречаются олицетворения, актуализирующие визуальный признак: *Тополиха зеленеет / И смущенно тупит взор («В тополином кабаке»).*

(5) Дендроним **тополь** в поэтических контекстах XVIII–XX вв. определяется как «культурно насыщенный знак, реализующий «значимый фрагмент поэтической картины мира» [37. С. 153]. Во второй половине XX в. наблюдается динамика семантических признаков названного дендронима, что позволяет выделить новые тематические группы лексем, в которых **тополь** представлен как знак городского пространства и элемент национального пейзажа. Среди образных парадигм, характеризующих образное поле «тополь – физический мир», особое место занимает «тополь – воздействие на органы чувств» [37. С. 157]. «С помощью универсальных семантических признаков передаются различные цветовые, звуковые, обонятельные впечатления от растительной реалии: шум листвы, переливание листвы на солнце, запах горечи тополиных листьев и др.» [37. С. 159].

(1) **Кедр** – «1. Хвойное вечнозеленое дерево сем. сосновых. *Ливанский кедр*. 2. Распространенное неправильное название некоторых видов сосны, дающих съедобные семена – орешки. *Сибирский кедр*» [30. Т. 2. С. 45].

(2) 15 словоупотреблений: существительные **кедр** (8), **кедрач** (2), **кедровник** (1), прилагательное **кедровый** (4).

(3) Предикативные единицы, в которых:

– **кедр, кедрач** – субъект существования, состояния: *Такие кедры есть ребята. / Они растут до облаков («Я видел кедры в два обхвата»); Томский лес. Кедрачи на холмах. / И озера, как синие бусы («Томский лес»);*

– **кедровник, кедр** – локатив: *Сибирский бархатный сезон – пора волнений новых. / И урожайные ветра в кедровниках шумят («Сибирский бархатный сезон»); Взвился соболю по кедру уверенно, / Филин вдумчиво крутит башкой («По бревну через речку таёжную...»);*

– **кедр** – объект восприятия: *Я видел кедры в два обхвата. / А думал – сказка из веков («Я видел кедры в два обхвата»);*

– **кедровый** – квалификатор: *И черетица-чешуя на шишиках на кедровых / Скрывает жизнь, здоровье, смерть, любовь... и все подряд («Сибирский бархатный сезон»); На кедровых холмах Горной Шории / Плюсовые деревья ищут («Командировка в Горную Шорию»); Шестизубый короид / Влез в кедровый ствол («Лирохвост»); И желанны остаток смородины, / Что растёт у кедрового пня («По бревну через речку таёжную...»).*

(4) Среди других образов сибирских растений **кедр** можно определить как наиболее яркий и многогранный. В описании используются перцептивные метафоры и эпитеты: *Как трепещут хвоинки атласные! / Тонет старый кедрач в синеве («Командировка в горную Шорию»); сравнения – И затряслись мои поджилки, / Как ветви кедра в шишкобой («Медвежий след»).* Особую роль играют олицетворения: *Смотрит кедр зеленоокий – / Ведь у страха на краю / Я в глухой тайге далекой / Строю рацию свою («Смотрит кедр зеленоокий»); Слово солнышко лучилось / Кедры слово прошептали («Первоцвет»).*

(5) **Сибирский кедр** определяется как один из центральных дендрообразов *сибирского текста*, в фокусе внимания лингвистов находится история возникновения названия и этапы формирования культурного и литературного феномена [25]. Реальные качества кедра (**высокий, крупный, вечнозеленый, хвойный, плодородный**) и его культурные признаки (мужской, связанный с потусторонним миром) обуславливают семантизацию дерева как сакрального в сибирской языческой и русской христианской культурах. Основные мифологические и мифопоэтические «кедровые» мотивы связаны с представлениями о Мировом древе как культовом центре и медиаторе, Древе (вечной) жизни и плодородия, родовом древе [25. С. 244–245]. Образ *сибирского кедра* в первую очередь ассоциируется с шумом леса и величию *сибирской тайги*. Среди ключевых характеристик **кедра** отмечают его целебные свойства, *высоту и размеры*, продолжительность жизни [38. Т. 1. С. 158].

Заключение

Образ Сибири в поэтических произведениях Н.В. Хоницева, рассматриваемый в контексте идиостилевого направления современной перцептивной лингвистики, может быть определен как «макрообраз», моделируемый в соответствии с такими категориальными признаками, как локальность, региональность и темпоральность. В результате лингвостилистического анализа текста было выявлено доминирование природных «микрообразов», обладающих различными перцептивными характеристиками. Среди традиционных для восприятия Сибири «холодных» признаков встречаются: *холод, снег, зима, мороз, тайга, ночь, тишина, туман* и др. [39]. Особое место в анализируемых стихотворениях занимают образы растительного мира (*тайга, лес, сосна, кедр, рябина, береза и тополь и др.*), именно они позволяют актуализировать региональный компонент в процессе анализа авторского идиостиля.

Рассмотрение соответствующих «микрообразов» в перцептивном аспекте показало, что в процессе художественной репрезентации доминируют языковые единицы с семантикой зрительного восприятия, также многочисленными являются звуковые характеристики, при этом большая часть изобразительно-выразительных средств (метафоры, сравнения, олицетворения) моделируется на основе межсенсорных ассоциаций – синестезии. Автору важно подчеркнуть красоту сибирской природы, ее жизнеутверждающий

характер, наиболее ярко это представлено при описании *леса (тайги)* как места единения человека с природой (*таежная кладовая, музыка леса, червонное золото сосен, трепет атласных хвоинок, сосновые зеленые купола. зеленоокий кедр, кедровые холмы, плач берез, колокольчики рябин, жемчуг тополей и др.*). *Солнечный свет (луч), музыка, аромат, зелень* в про-

анализированных стихотворениях могут быть определены как перцептивные доминанты, репрезентирующие авторское восприятие Сибири. Для лирического героя принципиально восприятие природного и культурного аспекта образа Сибири в их неразрывном единстве (*в лесу рассыпана поэзия, музей леса, березы похожи на книги и др.*).

Список источников

1. Словесная культура Сибири в общероссийском и европейском контекстах (XIX – начало XX в.) / под общ. ред. И.А. Айзиковой. Томск : Издательский Дом ТГУ, 2019. 492 с.
2. Пространство и тексты : модель исследования социокультурного ландшафта Сибири / И.А. Айзикова, С.В. Волошина, В.С. Воробьева, И.Ф. Гнюсова, Т.А. Демешкина, Е.Е. Дутчак, О.В. Зайцева, Д.Н. Шевелев, К.А. Конев. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2022. 280 с.
3. Волошина С.В. Репрезентация концепта Сибирь в автобиографических рассказах крестьян // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 47. С. 28–38. doi: 10.17223/19986645/47/2
4. Головнева Е.В. «Чувство места» в Сибири: эмоциональный компонент сибирской идентичности // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2017. № 28. С. 17–26. doi: 10.17223/22220836/28/2
5. Хоничев Н.В. Созвездие сирени : стихи. Томск : Изд-во Томского ЦНТИ, 1997. 112 с.
6. Хоничев Н.В. Буквица : стихи. Томск : [Красное знамя], 2001. 128 с.
7. Хоничев Н.В. Любоснежник : стихотворения. Томск : ВЕТЕР, 2012. 169 с.
8. Хоничев Н.В. Книга папоротника: избранные стихи и поэмы. Томск : [Издание Томской писательской организации], 2014. 169 с.
9. Храпова В.А. Региональный текст как фактор организации современного социального пространства // LOGOS ET PRAXIS. 2019. № 4. С. 102–107.
10. Лаврова С.Ю. Говорящий как наблюдатель: лингвоаксиологический аспект. Череповец : Череповецкий гос. ун-т, 2017. 240 с.
11. Халикова Н. В. Словесный образ как структурная единица в художественном тексте // Русистика и компаративистика. Сборник научных трудов по филологии. М., 2019. С. 268–280.
12. Хизниченко А.В., Крюкова Л.Б. Проект словаря перцептивных образов поэтического творчества Б.Л. Пастернака // Вопросы лексикографии. 2018. № 13. С. 44–57. doi: 10.17223/22274200/13/3
13. Азадовский М.К. Литература сибирская (дореволюционный период) // Сибирская советская энциклопедия. М., 1932. Т. 3. Стлб. 163.
14. Янушкевич А.С. Сибирский текст: взгляд извне и изнутри // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства. Иркутск, 2004. С. 227–235.
15. Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве / отв. ред. К.В. Анисимов. Красноярск : Сиб. Федер. ун-т, 2010. 237 с.
16. Демешкина Т.А., Толстова М.А. Репрезентация концепта «лес» (на материале диалектной речи) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 65. С. 60–76. doi: 10.17223/19986645/65/4
17. Демешкина Т.А., Верхотурова Н.А., Крюкова Л.Б., Курикова Н.В. Лингвистическое моделирование ситуации восприятия в региональном и общероссийском дискурсе / под ред. Т.А. Демешкиной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. 194 с.
18. Галимова Е.Ш. Специфика Северного текста русской литературы как локального свертка // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 1. С. 121–129.
19. Рогачева Н.А. Методологические проблемы изучения сибирского текста русской лирики // Вестник Тюменского государственного университета. 2010. № 5. С. 240–247.
20. Тюпа В.И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 28–35.
21. Чехов А.П. Из Сибири // Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Сочинения в 18 т. Т. 14/15. М. : Наука, 1976. С. 5–38. URL: <http://chekhov-lit.ru/chekhov/text/putevye-ocherki/iz-sibiri.htm> (дата обращения: 19.12.2024).
22. Литовкина А.М. Концепт «Сибирь» и его эволюция в русской языковой картине мира: от «сибирских летописей» до публицистики В.Г. Распутина : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 21 с.
23. Авдвинина О.Ю. Ситуация восприятия в аспекте ее синтаксического и художественного моделирования. Саратов : Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2022. 416 с.
24. Прокофьева Л.П. Звуко-цветовая ассоциативность в языковом сознании и художественном тексте: универсальный, национальный, индивидуальный аспекты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2009. 47 с.
25. Богумил Т.А. Кедр как дендробраз сибирского текста // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 24, № 4. С. 233–248.
26. Першина А.И., Эртнер Е.Н. Читаем о Сибири: проза Н.А. Лухмановой в иностранной аудитории // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. Т. 7, № 4 (28). С. 192–208.
27. Крюкова Л.Б., Хизниченко А.В. Система перцептивных образов в поэтическом творчестве Б.Л. Пастернака (лексикографический и идиостилевый аспекты) // Отечественная филология. Серия: Русская филология. 2023. № 4. С. 58–73.
28. Разлогова Е.Э., Ярошенко П.В. Языковая синестезия сквозь призму стилистических фигур // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 77. С. 66–84. doi: 10.17223/19986645/77/3
29. Голомазова М.В. Лингвокультурный типаж «сибиряк»: моделирование с применением различных подходов // Язык и культура: взгляд молодых : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. / гл. ред. В.И. Карасик. М. : Гос. ин-т русского языка им. А.С. Пушкина, 2023. С. 168–175.
30. Словарь русского языка : в 4 т. М. : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 19.12.2024).
31. Рыбальченко Т.Л. Миромоделирующая семантика образа тайги в прозе В.П. Астафьева // Литература Сибири в социокультурном пространстве : материалы Всерос. (с междунар. участием) науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения В.П. Трубникова, Иркутск, 23–24 сентября 2021 г. / отв. ред. Ю.М. Брюханова. Иркутск : Иркут. гос. ун-т, 2022. С. 146–158.
32. Гавриленко В.Д. Образ тайги в балладах Леонида Завальнюка // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 118–124.
33. Агапкина Т.А. Символика деревьев в традиционной культуре славян: сосна // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2011. № 6. С. 379–387.
34. Зырянова О.Н., Бахор Т.А., Мазурова Н.А. Дендрологические образы как форма проявления региональной идентичности в творчестве поэтов Красноярского края // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 3–2 (27). С. 195–207.

35. Агапкина Т.А. Символика деревьев в традиционной культуре славян: рябина // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. 2010. № 1. С. 238–253.
36. Соколова М.Г. Характеристика растительных образов и мотивов в поэзии А. Шириева (лингвокультурологический аспект) // *Вектор науки Тольяттинского государственного университета*. 2016. № 1 (35). С. 112–117.
37. Соколова М.Г. Логико-структурный и динамический аспекты изучения семантики дендронима тополь в русской лирике XVIII–XX вв. // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2021. № 71. С. 152–168. doi: 10.17223/19986645/71/9
38. Хулина К.И. Образы растительного пространства и их символическое восприятие в творчестве писателей 19–21 веков (на примере произведений И.С. Тургенева, М.М. Пришвина, В.Н. Мерже // *Инновационные научные исследования: теория, методология, практика* : сб. ст. XII Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Т. 1. Пенза : Наука и Просвещение, 2018. С. 155–159.
39. Трунова М.В. Языковая репрезентация перцептивного образа Сибири в произведениях томского поэта М.В. Андреева // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2025. № 1 (237). С. 36–44. doi: 10.23951/1609-624X-2025-1-36-44

References

1. Ayzikova, I.A. (ed.) (2019) *Slovesnaya kul'tura Sibiri v obshcherossiyskom i evropeyskom kontekstakh (XIX – nachalo KhKh v.)* [Verbal Culture of Siberia in the All-Russian and European Contexts (19th – Early 20th Centuries)]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Ayzikova, I.A. et al. (2022) *Prostranstvo i teksty: model' issledovaniya sotsiokul'turnogo landshafta Sibiri* [Space and Texts: A Model for Studying the Sociocultural Landscape of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Voloshina, S.V. (2017) Representation of the Concept "Siberia" in Autobiographical Stories of Tomsk Peasants. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 47. pp. 28–38. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/47/2
4. Golovneva, E.V. (2017) "Sense of Place" in Siberia: The Emotional Component of Siberian Identity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 28. pp. 17–26. (In Russian). doi: 10.17223/22220836/28/2
5. Khonichev, N.V. (1997) *Sozvezdie sireni: stikhi* [Constellation of Lilac: Poems]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo TsNTI.
6. Khonichev, N.V. (2001) *Bukvitsa: stikhi* [The Initial Letter: Poems]. Tomsk: [Krasnoe znamya].
7. Khonichev, N.V. (2012) *Lyubosnezhnik: stikhotvoreniya* [Lovesnowdrop: Poems]. Tomsk: VETER.
8. Khonichev, N.V. (2014) *Kniga paporotnika: izbrannye stikhi i poemy* [The Fern Book: Selected Verses and Poems]. Tomsk: [Izdanie Tomskoy pisatel'skoy organizatsii].
9. Khrapova, V.A. (2019) Regional'nyy tekst kak faktor organizatsii sovremennoy sotsial'nogo prostranstva [Regional Text as a Factor in the Organization of Modern Social Space]. *LOGOS ET PRAXIS*. 4. pp. 102–107.
10. Lavrova, S.Yu. (2017) *Govoryashchiy kak nablyudatel: lingvoakstologicheskii aspekt* [The Speaker as an Observer: Linguoaxiological Aspect]. Cherepovets: Cherepovets State University.
11. Khalikova, N.V. (2019) Slovesnyy obraz kak strukturnaya edinitsa v khudozhestvennom tekste [Verbal Image as a Structural Unit in a Literary Text]. In: *Rusistika i komparativistika. Sbornik nauchnykh trudov po filologii* [Russian and Comparative Studies. Collection of Scientific Works on Philology]. Moscow. pp. 268–280.
12. Khiznichenko, A.V. & Kryukova, L.B. (2018) The Project of the Dictionary of Perceptual Images Used in B. Pasternak's Poetic Works. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 13. pp. 44–57. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/13/3
13. Azadovskiy, M.K. (1932) *Literatura sibirskaya (dorevolutsionnyy period)* [Siberian Literature (Pre-Revolutionary Period)]. In: *Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya* [Siberian Soviet Encyclopedia]. Vol. 3. Moscow. Column 163.
14. Yanushevich, A.S. (2004) *Sibirskiy tekst: vzglyad izвне i iznutri* [Siberian Text: A View from Outside and Inside]. In: *Sibir: vzglyad izвне i iznutri. Dukhovnoe izmerenie prostranstva* [Siberia: A View from Outside and Inside. The Spiritual Dimension of Space]. Irkutsk. pp. 227–235.
15. Anisimov, K.V. (ed.) (2010) *Sibirskiy tekst v natsional'nom syuzhetnom prostranstve* [Siberian Text in the National Narrative Space]. Krasnoyarsk: SFU.
16. Demeshkina, T.A. & Tolstova, M.A. (2020) Representation of the Concept "Forest" (On the Material of Dialect Speech). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 65. pp. 60–76. doi: 10.17223/19986645/65/4
17. Demeshkina, T.A., Verkhoturova, N.A., Kryukova, L.B. & Kurikova, N.V. (2006) *Lingvisticheskoe modelirovanie situatsii vospriyatiya v regional'nom i obshcherossiyskom disкурse* [Linguistic Modeling of the Perception Situation in Regional and All-Russian Discourse]. Tomsk: Tomsk State University.
18. Galimova, E.Sh. (2012) Spetsifika Severnogo teksta russkoy literatury kak lokal'nogo sverkhteksta [The Specificity of the Northern Text of Russian Literature as a Local Supertext]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 1. pp. 121–129.
19. Rogacheva, N.A. (2010) Metodologicheskie problemy izucheniya sibirskogo teksta russkoy liriki [Methodological Problems of Studying the Siberian Text of Russian Lyrics]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 5. pp. 240–247.
20. Tyupa, V.I. (2002) *Mifologema Sibiri: k voprosu o "sibirskom tekste" russkoy literatury* [The Mythologeme of Siberia: On the "Siberian Text" of Russian Literature]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal*. 1. pp. 28–35.
21. Chekhov, A.P. (1976) *Iz Sibiri* [From Siberia]. In: *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 30 t. Sochineniya v 18 t.* [Complete Works and Letters in 30 Volumes. Works in 18 Volumes]. Vol. 14/15. Moscow: Nauka. pp. 5–38. [Online] Available from: <http://chehov-lit.ru/chehov/text/putevye-ocherki/iz-sibiri.htm> (Accessed: 19.12.2024).
22. Litovkina, A.M. (2008) *Kontsept "Sibir" i ego evolyutsiya v russkoy yazykovoy kartine mira: ot "sibirskikh letopisey" do publitsistiki V.G. Rasputina* [The Concept "Siberia" and its Evolution in the Russian Linguistic Worldview: From "Siberian Chronicles" to the Journalism of V.G. Rasputin]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
23. Avdevnina, O.Yu. (2022) *Situatsiya vospriyatiya v aspekte ee sintaksicheskogo i khudozhestvennogo modelirovaniya* [The Situation of Perception in the Aspect of its Syntactic and Artistic Modeling]. Saratov: SSLA.
24. Prokofeva, L.P. (2009) *Zvuko-tsvetovaya assotsiativnost' v yazykovom soznanii i khudozhestvennom tekste: universal'nyy, natsional'nyy, individual'nyy aspekty* [Sound-Color Associativity in Linguistic Consciousness and Literary Text: Universal, National, Individual Aspects]. Abstract of Philology Dr. Diss. Saratov.
25. Bogumil, T.A. (2022) *Kedr kak dendroobraz sibirskogo teksta* [Cedar as a Dendroimage of the Siberian Text]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. 24 (4). pp. 233–248.
26. Pershina, A.I. & Ertner, E.N. (2021) *Chitaem o Sibiri: proza N.A. Lukhmanovoy v inostrannoy auditorii* [Reading About Siberia: N.A. Lukhmanova's Prose in a Foreign Audience]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates*. 7 (4 (28)). pp. 192–208.
27. Kryukova, L.B. & Khiznichenko, A.V. (2023) *Sistema pertseptivnykh obrazov v poeticheskom tvorchestve B.L. Pasternaka (leksikograficheskii i idiosilevoy aspekty)* [The System of Perceptual Images in the Poetic Work of B.L. Pasternak (Lexicographical and Idiolectal Aspects)]. *Otechestvennaya filologiya. Seriya: Russkaya filologiya*. 4. pp. 58–73.
28. Razlogova, E.E. & Yaroshenko, P.V. (2022) Linguistic Synesthesia Through the Prism of Stylistic Devices. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 77. pp. 66–84. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/77/3

29. Golomazova, M.V. (2023) [The Linguocultural Type "Siberian": Modeling Using Various Approaches]. *Yazyk i kul'tura: vzglyad molodykh* [Language and Culture: The View of the Young]. Proceedings of the 5th International Conference. Moscow: State Institute of Russian Language. pp. 168–175. (In Russian).
30. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1999) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian Language: In 4 Vols]. Moscow: Rus. yaz.; Poligrafresursy. [Online] Available from: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (Accessed: 19.12.2024).
31. Rybal'chenko, T.L. (2022) [World-Modeling Semantics of the Taiga Image in the Prose of V.P. Astafiev]. *Literatura Sibiri v sotsiokul'turnom prostranstve* [Literature of Siberia in the Sociocultural Space]. Proceedings of the All-Russian (with International Participation) Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the Birth of V.P. Trushkin, Irkutsk. 23–24 September 2021. Irkutsk: Irkutsk State University. pp. 146–158.
32. Gavrilenko, V.D. (2023) Obraz taygi v balladakh Leonida Zaval'nyuka [The Image of the Taiga in the Ballads of Leonid Zavalnyuk]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. 29 (4). pp. 118–124.
33. Agapkina, T.A. (2011) Simvolika derev'ev v traditsionnoy kul'ture slavyan: sosna [Symbolism of Trees in the Traditional Culture of the Slavs: Pine]. *Slavyanskiy mir v tret'em tysyacheletii*. 6. pp. 379–387.
34. Zyryanova, O.N., Bakhor, T.A. & Mazurova, N.A. (2016) Dendrologicheskie obrazy kak forma proyavleniya regional'noy identichnosti v tvorchestve poetov Krasnoyarskogo kraia [Dendrological Images as a Form of Manifestation of Regional Identity in the Works of Poets of the Krasnoyarsk Territory]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*. 27 (3–2). pp. 195–207.
35. Agapkina, T.A. (2010) Simvolika derev'ev v traditsionnoy kul'ture slavyan: ryabina [Symbolism of Trees in the Traditional Culture of the Slavs: Rowan]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy*. 1. pp. 238–253.
36. Sokolova, M.G. (2016) Kharakteristika rastitel'nykh obrazov i motivov v poezii A. Shiryayevtsa (lingvokul'turologicheskiy aspekt) [Characteristics of Plant Images and Motifs in the Poetry of A. Shiryayevets (Linguocultural Aspect)]. *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 35 (1). pp. 112–117.
37. Sokolova, M.G. (2021) The logical-structural and dynamic aspects of studying the semantics of the dendronym poplar in Russian lyrics of the 18th–20th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 71. pp. 152–168. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/71/9
38. Khulina, K.I. (2018) [Images of Plant Space and Their Symbolic Perception in the Works of Writers of the 19th–21st Centuries (on the Example of the Works of I.S. Turgenev, M.M. Prishvin, V.N. Megre)]. *Innovatsionnye nauchnye issledovaniya: teoriya, metodologiya, praktika* [Innovative Scientific Research: Theory, Methodology, Practice]. Proceedings of the XII International Conference. In 2 Parts. Part 1. Penza: Nauka i Prosveshchenie. pp. 155–159. (In Russian).
39. Trunova, M.V. (2025) Yazykovaya reprezentatsiya pertseptivnogo obraza Sibiri v proizvedeniyakh tomskogo poeta M.V. Andreeva [Linguistic Representation of the Perceptual Image of Siberia in the Works of the Tomsk Poet M.V. Andreev]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 237 (1). pp. 36–44. doi: 10.23951/1609-624X-2025-1-36-44

Информация об авторах:

Трунова М.В. – аспирант кафедры русского языка Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: Trunova87@yandex.ru

Крюкова Л.Б. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: lar-kryukova@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

M.V. Trunova, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Trunova87@yandex.ru

L.B. Kryukova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lar-kryukova@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.12.2024;
одобрена после рецензирования 07.03.2025; принята к публикации 30.04.2025.

The article was submitted 24.12.2024;
approved after reviewing 07.03.2025; accepted for publication 30.04.2025.